

шейся империи на Босфоре, прежде всего к греко-латинской полемике о церковной унии. Пахимер — ревнитель идей эллинского {280} патриотизма, враждебно настроенный к католическому западу. Пожалуй, сама историческая ситуация, изменившаяся по сравнению со временем Георгия Акрополита — порой восстановления византийского могущества, когда теперь со всех сторон над Византией нависла серьезная опасность, а внутри государства на различных уровнях шли острые дискуссии и распри, не располагала к сдержанному, несколько острозащитному фактологическому, пусть субъективно организованному, описанию. Уже в начале повествования Пахимер выдвигает тезис о бедственном состоянии государства, о превращении исторического процесса в «смуту событий» (η; τω; ἴν πρᾶγματων σύγκυσις — *Pachym. Hist. I. P. 14. 14—15; II. P. 12. 5—6; 257. 17—259.1*). Это выражение — лейтмотив всего произведения. Историкую свойственно эмоционально обостренное восприятие слабости общественной системы Византии¹, столь отличающее его от Акрополита — государственного чиновника, свидетеля упрочения и стабилизации ее государственной системы, способного в этих условиях трезво анализировать даже сложные политические ситуации, вскрывая причины казавшихся временными неудач и находя им оправдание. Ощущение же надвигающейся беды, тревоги за будущее у Пахимера сродни оценкам его современника и соученика — будущего константинопольского патриарха Григория Кипрского². Таким образом, это отмеченное в «Истории» состояние напряженности социально-психологической атмосферы в государстве было отражением реальной ситуации, а не субъективными рефлексиями историка.

Конечно, несмотря на декларацию Пахимера следовать в повествовании только истине, которая является «душой истории» (*Ibid. I. P. 12. 11*), он не отказывается ни от собственных оценок, ни от самостоятельных суждений. Впрочем, все историки рассматриваемой эпохи — и Акрополит, и Пахимер, и Григория — клянутся в своей беспристрастности, создавая, однако, произведения, глубоко отличные друг от друга как в сюжетном отношении, так и в историко-философском.

Пахимер — первый среди византийских историографов, с которым традиционно связывается в науке понятие гуманиста³. Действительно, его творчество, не противореча в целом классическим византийским нормам, во многом близко по духу произведениям Палеологовского гуманизма. Дело не только в многочисленных цитатах из античных авторов в «Истории» Пахимера и в органичном использовании образов древней языческой мифологии: подобное не было в Византии уникальным и до палеологовской эпохи. Гораздо важнее тонкое понимание этим историографом глубинного смысла древних текстов (прежде всего Гомера), значения редких архаичных слов и выражений⁴.

Снова пространственно-временные ориентации в греческой историо-{281}графии окрасиваются в тона ахейской архаики: при датировках регулярно применяются аттические наименования месяцев⁵, а города и области называются в соответствии с нормами классических Афин. Более того, движущей силой всех событий оказывается у Пахимера главным образом персонифицированное божество судьбы — аналог античной Тихи. Античные категории предопределения, рока занимают центральное место в мировоззренческой системе историка (*Ibid. I. P. 94. 15 sq.; 128. 3; II P. 70. 17; 433, 14; ср.: I. P. 139. 16; 59. 3—5*)⁶.

И в целом снова ход истории обретает на страницах исторических сочинений XIV в., начиная с Пахимера, циклический характер. Так, автор принимается за свой труд, «чтобы время частыми периодическими сменами циклов не сокрыло многое», — говорит историк (*Ibid. I. P. 12. 5—6*), парафразируя мысль античного «мудреца» (подразумевая «Аякса» Софокла)⁷.

¹ *Hunger H. Die hochsprachliche profane Literatur der Byzantiner. München, 1978. Bd. 1. S. 448.*

² Ευ; στρατιάδης Σ. Γρηγορίου τοῦ Κυπρίου, οἰ; κοῦμενικοῦ πατριάρχου, ε; πιστολα; και; μῦθοι // ΕΦ. Ἐν Ἀλεξανδρείᾳ; Τ. Α' — Ε'. 1908—1910. N 132.5-10; 134.24—27; 135.4—14; 136.70—72; 137.18—21; 160.3—14; 162.5—7; 164.9—24; 181.4—8.

³ *Arnakis G. George Pachymeres — a Byzantine Humanist // The Greek Orthodox Theological Review. 1966—1967. Vol. 12. P. 161—167; ср.: Hunger H. Op. cit. S. 451.*

⁴ *Фрейдберг Л. А., Понова Т. В. Византийская литература эпохи расцвета. IX—XV вв. М., 1978. С. 239.*

⁵ *Arnakis G. The Names of the Months in the History of Georgios Pachymeres // BNJ. 1945—1949 (1960). Bd. 18. S. 144—153.*

⁶ *Hunger H. Op. cit. S. 451.*

⁷ Ἄπανθ' ο; μακρο;ς κα; νερθητος χρόνος // φύει τα; ; ἄηλα και; φανέντα κρύπτεται. Ср. у Пахимера: ... το; φανέντα κρίπτεσθα... (*Pachym. Hist. I. P. 12.8*).